

УДК 347.91/.95

DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-189-193

**ИИ-агенты в цивилистическом процессе:
влияние на правоотношения, вопросы их правомерного использования**

Хабибуллин М.И.

Аспирант кафедры экологического,
трудового права и гражданского процесса
Казанского (Приволжского) федерального университета

В связи со стремительным развитием технологии искусственного интеллекта на передний план выходят создаваемые на ее основе средства (в том числе ИИ-агенты), позволяющие выполнять задачи, которые ранее могли быть выполнены исключительно человеком. К кругу задач, которые могут выполняться ИИ-агентами, относятся и задачи, которые стоят перед участниками цивилистического судопроизводства. Так, технология ИИ-агентов подразумевает возможность автономного совершения действий, аналогичных тем, которые вправе совершать участники цивилистического процесса, в связи с чем исследования на поставленную тему являются актуальными. Целями данного исследования являются анализ влияния ИИ-агентов на цивилистические процессуальные отношения и рассмотрение вопроса о правомерном применении ИИ-агентов в цивилистическом судопроизводстве. В связи с этим в статье подробно рассмотрена проблема места ИИ-агентов в цивилистическом судопроизводстве, в чем выражается её научная значимость. Кроме того, статья имеет и практическое значение: в ней изложен возможный правомерный способ применения ИИ-агентов на основании текущего законодательства. В ходе исследования был сделан ряд выводов о том, что, хотя ИИ-агенты и способны де-факто влиять на правоотношения, однако, поскольку они не являются акторами (в т. ч. субъектами права), это влияние не выражено юридически. И хотя возможность изменения правоотношений де-юре не исключена в будущем, такой подход столкнётся с фундаментальными трудностями на уровне теории права. Тем не менее правомерное использование ИИ-агентов возможно и на сегодняшний день.

Ключевые слова: ИИ-агенты, цивилистическое судопроизводство, гражданский процесс, арбитражный процесс, искусственный интеллект

Для цитирования: Хабибуллин М.И. ИИ-агенты в цивилистическом процессе: влияние на правоотношения, вопросы их правомерного использования // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 189–193. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-189-193.

Научно-технический прогресс на протяжении веков является движущей силой развития экономики. В современном обществе одним из ключевых катализаторов экономического прогресса является развитие ИТ-технологий, в том числе инновационных (таких как искусственный интеллект). Одной из по-

следних вех развития искусственного интеллекта является появление технологии ИИ-агентов.

ИИ-агенты по общему определению представляют собой автономные системы, которые используют методы искусственного интеллекта для выработки обоснованных решений при достижении поставлен-

ных целей [1, с. 13]. Иначе говоря, продвинутое ИИ-агенты за счет автономности при принятии решений (а в некоторых случаях и при реализации принятых решений) способны полностью или частично справляться с задачами, поставленными перед отдельными специалистами, в том числе в сфере юриспруденции.

Несмотря на то, что на сегодняшний день ИИ-агенты в сфере юриспруденции не имеют широкого распространения, с учетом темпов развития технологии применение этого инструмента кратно увеличится: снизится стоимость внедрения технологии, увеличится её эффективность, появятся массовые решения [2, с. 76–77].

Для наглядности потенциала этой технологии с точки зрения цивилистического судопроизводства целесообразно представить себе ИИ-агента, обученного автономно (в соответствии с данным ему заданием) анализировать поступившие материалы по судебному делу, составлять на них мотивированные ответы, принимать процессуальные решения, обладающего функционалом самостоятельно направлять процессуальные документы посредством средств электронного правосудия.

Перечисленные выше функции коррелируют с правами и полномочиями участников цивилистического судопроизводства, а также соответствуют умениям, необходимым для представления интересов в судах (как для самих лиц, участвующих в деле, так и для представителей).

Более интересным представляется тот факт, что такой ИИ-агент, например, при обжаловании судебного акта первой инстанции путем подачи апелляционной или частной жалобы таким образом как бы де-факто может создать новые процессуальные правоотношения по поводу рассмотрения спора в апелляционной инстанции. По крайней мере, им выполняется так называемый «материальный момент» [3, с. 7].

Может ли ИИ-агент действительно создавать правоотношения? Де-юре, безусловно, на текущий момент ИИ-агент никаких правоотношений создать не может, поскольку в результате его действий не возникает юридического факта [4, с. 95]. Однако правоотношения де-юре могут быть созданы тем, от чьего имени он действует (т.е. в таком случае их создает подписант документа). Так, ИИ-агент в настоящий момент не является лицом (ни физическим лицом, ни юридическим): не обладает правосубъектностью. Поэтому ИИ-агент не может быть не только тем, чьи действия создают правоотношения, но и быть субъектом правоотношений [5, с. 36].

Существуют ли принципиальные ограничения на уровне теории права, которые запрещали бы ИИ-агенту иметь правосубъектность даже в перспективе (исходя из текущего объема понятия правосубъектности)? Ответ на этот вопрос стоит построить

в первую очередь на основании реалистичного, а не мифологизированного представления о современной технологии искусственного интеллекта, где ИИ – это не сущность, которая в потенциале сможет обладать личностью и волей, а сложная автономная программа [6, с. 470–475].

Так, принципиальных, основополагающих ограничений, которые запрещали бы ИИ-агенту иметь правосубъектность не существует, поскольку ей способны обладать также искусственные образования, не имеющие самостоятельной воли (почему вопрос воли является важным, рассмотрим далее). Примером такой искусственной конструкции является обыкновенное юридическое лицо.

Однако следует отметить, что юридические лица наделяются правоспособностью в соответствии с экономическими целями: способность юридического лица иметь отдельные от лиц, его учредивших, права и нести отдельные обязанности, позволяет разнообразить экономический оборот, дает правовую свободу для экономического развития. Есть ли смысл наделять такое искусственное образование, как ИИ-агент, правосубъектностью? И в случае с юридическим лицом, и в случае с ИИ-агентом деятельность последних связана с волей конкретного физического лица (лиц), однако в случае с юридическим лицом необходимость возможности иметь права, обязанности, нести ответственность связана с наличием у такого образования обособленного имущества и с управлением этим обособленным имуществом. В случае же с ИИ-агентом не понятно, чем может быть обусловлена необходимость в наличии правосубъектности.

Интересным представляется вопрос некоторого сходства ИИ-агента как автономной единицы с представителем в рамках цивилистического процесса (намеренно не рассматривается вопрос о формальных юридических отличиях, поскольку ответ на него уже очевиден: представитель является физическим лицом и самостоятельно обладает правосубъектностью и волей, однако не в рамках отношений, которые возникают по поводу представительства). Представитель не наделяется правами (он исключительно осуществляет права от имени доверителя). Точно так же, как и ИИ-агент, осуществляет права от имени давшего ему поручение лица. Действия представителя порождают юридические последствия для доверителя [7, с. 131]. Поскольку ИИ-агент не способен на юридические действия, следует отметить, что его фактически действия также порождают юридические последствия для лица, от чьего имени он совершает действия. Что касается волеизъявления, доверитель в момент выдачи «судебной доверенности» выражает свою волю в том, что в дальнейшем его волю будет выражать представитель, то есть все дальнейшие действия осуществляются в рамках воли

доверителя. Запуская в работу ИИ-агента, лицо также выражает волю, и все дальнейшие действия ИИ-агента выражают волю лица.

В связи с этим возникает вопрос: следует ли также урегулировать полномочия ИИ-агента и выделить его законодательно в качестве участника процесса? Существование отдельных правовых норм, регулирующих процессуальные отношения, связанные с участием доверенного лица, необходимы, поскольку любой индивид, потенциально способный быть доверенным лицом, обладает самостоятельной волей и правосубъектностью. Это нужно для того, чтобы удостоверить то, что это лицо действует от имени и в рамках воли доверителя, и его действия порождают соответствующие юридические последствия для последнего. ИИ-агент не обладает самостоятельной волей, являясь сложной программой, он выполняет исключительно предписанные ему действия. Также, поскольку ИИ-агент не имеет правосубъектности, то, что он осуществляет автономную работу в интересах лица, от имени которого он осуществляет эту работу, должно презюмироваться.

Кроме того, представитель способен вступать в самостоятельные процессуальные правоотношения с судом, например, связанные с наложением на представителя судебного штрафа за неуважение к суду (ч. 5 ст. 119 АПК РФ) [8], что обусловлено наличием у него правосубъектности. Рассматривая вопрос о лице, на которое возможно наложить судебный штраф, в случае если неуважение к суду было выражено в результате фактических действий ИИ-агента, следует отметить, что вина не является обязательным атрибутом такой ответственности: практика в арбитражных судах сложилась таким образом, что, например, в случае с государственными органами штраф накладывается на руководителя территориального органа данного государственного органа [9, с. 55]. Следовательно, поскольку ИИ-агент не является лицом, подобный штраф может быть наложен на лицо, в чьих интересах (или от чьего имени) он действует. Отдельное урегулирование в этой части также не требуется.

Рассуждая о потенциальной возможности создания ИИ-агентом процессуальных правоотношений, следует отдельно отметить отдельные особенности юридических фактов, на основании которых могут создаваться процессуальные правоотношения: ими могут быть исключительно юридические действия. Последние, в свою очередь, в соответствии с доктриной теории государства и права, могут быть совершены только по воле людей. Поэтому даже в случае, если когда-либо законодательство претерпит изменения и в нем будет закреплён статус ИИ-агента, регулирование может столкнуться с противоречиями на фундаментально-правовом уровне.

Чем в таком случае с точки зрения юриспруденции является автономная работа ИИ-агента, вы-

раженная в отдельных фактических действиях? ИИ-агент действует исходя из фактического предписания, выданного ему лицом, в данном предписании выражено волеизъявление. Таким образом, все последующие автономные решения и действия, принимаемые ИИ-агентом, являются следствием воли лица, в интересах которого действует ИИ-агент. Таким образом, с этой точки зрения автономная работа ИИ-агента – это работа информационно-технического инструмента. Следовательно, в настоящий момент она юридически ближе к работе объекта права (робота, двигателя).

Возникает вопрос, каким образом описанная конструкция может корректно действовать в правовом поле? Ведь в условиях отсутствия правосубъектности у ИИ-агента ему не могут быть переданы полномочия, в частности, на подписание документов. В качестве средства «подписания» процессуальных документов ГПК РФ предусматривает обычную, электронную подпись и усиленную квалифицированную электронную подпись. Несмотря на то что передать право подписи ИИ-агенту юридически невозможно, это можно сделать фактически. Известно, что судебные документы, подписанные неуполномоченным лицом, не являются действительными (даже если они подписываются с помощью факсимильной подписи [10, с. 66] или ЭЦП другим лицом с ведома де-юре подписанта). Однако поскольку ИИ-агент не является лицом, а автономной программой, передача (предоставление) доступа пользования ЭЦП к этой программе является правомерной. Также правомерным является предоставление программе аутентификационных данных для доступа к личному кабинету электронного правосудия. Этот же подход справедлив и для случая, когда ИИ-агент используется доверенным лицом при представлении интересов доверителя. Таким образом, с точки зрения цивилистических процессуальных правоотношений не происходит никаких изменений: они также возникают только между судом и участниками процесса, а от использования ИИ-агентов их структура и содержание не изменяются. Фактических изменений в процессуальных отношениях также не может произойти, поскольку последние могут существовать только в случае, если урегулированы правом (только в виде правоотношений).

Из положений Гражданского процессуального кодекса РФ [11], Арбитражного процессуального кодекса РФ нам известна правовая категория «участники процесса» (гл. 4 ГПК РФ, гл. 5 АПК РФ), законодательно разделяемая на лиц, участвующих в деле (стороны, заявитель, третьи лица, прокурор, государственные органы) и других участников процесса (свидетель, эксперт, переводчик, представитель и т.д.) [12, с. 225]. Очевидно, что статус участника в рамках текущего законодательства и исходя из описанных норм, подразумевает наличие право-

субъектности как обязательного атрибута. Однако это не исключает введения иной правовой категории для регулирования использования ИИ-агентов в рамках цивилистического процесса в будущем. Наличие или отсутствие необходимости подобного регулирования станет очевидным только после более масштабного внедрения ИИ-агентов в цивилистическое судопроизводство.

Открытым остается вопрос о возможности потенциального наделения ИИ правосубъектностью в части совершения действий как юридических фактов, т.е. способностью создавать процессуальные правоотношения, однако этот вопрос в первую очередь лежит на уровне нейробиологии и философии. На сегодняшний день искусственный интеллект является исключительно продвинутой программой, не обладает сознанием, эмоциями и волей, следовательно, рассмотрение вопросов наделения его такого рода правосубъектностью в рамках науки юриспруденции в настоящий момент представляет некорректным [13, с. 24].

Таким образом, из круга исследованных вопросов можно сделать следующие выводы: во-первых, поскольку актуальным остается вопрос о потенциале влияния ИИ-агентов на правоотношения, был сделан вывод о том, что, хотя принципиальных ограничений для этого не имеется, однако могут возникнуть противоречия на фундаментальном уровне теории права; во-вторых, на сегодняшний день существует механизм, в рамках которого стороны имеют возможность применять ИИ-агентов таким образом, чтобы оставаться при этом в правовом поле, этот механизм описан в настоящей работе.

Кроме того, очевидно, что как в настоящий момент, так и в ближайшей перспективе, ИИ-агенты являются и будут являться исключительно правовым инструментом, за результат от автономной работы которого отвечает подписант. В случае если ИИ-агент в результате сбоя начнет действовать не в соответствии с интересами лица, все юридические последствия от этого будет нести лицо, участвующее в деле, от имени которого действует ИИ-агент. Использование ИИ-агентов никаким образом не видоизменяет цивилистические процессуальные правоотношения. Тем не менее на сегодняшний день их использование возможно в рамках правового поля. Таким образом, в рамках настоящей статьи исследованы влияние ИИ-агентов на цивилистические процессуальные правоотношения и способы правомерного использования ИИ-агентов в цивилистическом судопроизводстве.

Литература:

1. Намиот Д.Е., Ильюшин Е.А. О кибербезопасности ИИ-агентов // *International Journal of Open Information Technologies*. 2025. Т. 13. № 9. С. 13–24.
2. Гузенко О.И., Балябин Д.С. ИИ-агенты в управлении проектами: возможности, ограничения и стратегии интеграции // *Вестник проектного управления*. 2025. Т. 1. № 2. С. 71–78.
3. Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 128 с.
4. Фролович Э.М. Понятие юридических фактов в гражданском судопроизводстве // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2017. № 3. С. 93–96.
5. Кузнецов С.В. Институт правосубъектности в общей теории права: основные подходы и взгляды // *Пробелы в российском законодательстве*. 2013. № 3. С. 35–38.
6. Кузнецов О.П. О машинном обучении, мифах о сильном искусственном интеллекте и о том, что такое понимание // *Онтология проектирования*. 2024. Т. 14. № 4. С. 466–482.
7. Гринь Е.А. О судебном (процессуальном) представительстве и представительстве по назначению суда // *Аграрное и земельное право*. 2020. № 9. С. 129–132.
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (в актуальной редакции) // *Российская газета*. 2002. 27 июля.
9. Зайков Д.Е. Проблемы определения субъекта ответственности в виде судебного штрафа в арбитражном процессе // *Актуальные проблемы российского права*. 2025. Т. 20. № 4. С. 49–56.
10. Светличный А.Д. Использование факсимиле подписи при отправлении правосудия по гражданским делам // *Российская юстиция*. 2019. № 6. С. 65–67.
11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в актуальной редакции) // *Российская газета*. 2002. 20 ноября.
12. Воронов А.Ф. О классификации участников гражданского процесса // *Актуальные проблемы государства и права*. 2019. Т. 3. № 10. С. 224–234.
13. Березина Е.А. Правовое положение интеллектуальных программных агентов // *Философия права*. 2023. № 4. С. 22–31.

AI Agents in Civil Law Proceedings: Influence on Legal Relations, Issues of their Lawful Use

Khabibullin M.I.
Kazan (Volga Region) Federal University

Because of the rapid development of artificial intelligence technology, tools based on it (including AI agents) are becoming increasingly important. These tools enable tasks that could previously only be performed by humans. The range of tasks that can be performed by AI agents includes those faced by participants in civil legal proceedings. Thus, AI agent technology implies the ability to autonomously perform actions similar to those authorized to participants in civil proceedings, making research on this topic relevant. The objectives of this study are to analyze the impact of AI agents on civil procedural relations and to examine the lawful application of AI agents in civil proceedings. Therefore, this article examines in detail the role of AI agents in civil proceedings, thereby demonstrating its scientific significance. Furthermore, the article also has practical significance: it outlines a possible lawful method for using AI agents based on current legislation. The study concluded that although AI agents are capable of de facto influencing legal relations, since they are not actors (including legal entities), this influence is not legally manifest. While the possibility of changing de jure legal relations is not excluded in the future, such an approach will face fundamental difficulties at the level of legal theory. Nevertheless, the lawful use of AI agents is still possible today.

Keywords: AI agents, civil proceedings, civil procedure, arbitration process, artificial intelligence

